

Есть ли будущее у контроля над вооружениями?

Мизин В. И.

В статье рассматриваются новые возможности по дальнейшему продвижению процесса ограничения гонки вооружения. Автор анализирует современные тенденции в области контроля над вооружениями с целью оценки перспективности создания новой системы международной стабильности, которая могла бы выступить в качестве гаранта против масштабных конфликтов. Вопросы разоружения и контроля над вооружениями представлены как рычаги возможного управления процессом снижения уровней вооружений и военной угрозы в целом. В статье приведены варианты инициатив, которые могут быть представлены РФ на мировом уровне, для решения проблем контроля над вооружениями и разоружения в условиях изменившейся международной политической обстановки.

Общеизвестно, что адекватный анализ любой крупной международной проблемы невозможен без ее рассмотрения в контексте многообразия процессов современного мирового развития. События последних лет, наиболее актуальные, «политические» темы международной жизни, высветившие хаотичность, конфликтность, неуправляемость и непредсказуемость эволюции глобальной цивилизации, казалось бы, отодвинули проблематику разоружения и контроля над вооружениями на периферию мировой политики.

Даже для российской дипломатии, традиционно делавшей акцент и зарабатывавшей неплохие политико-пропагандистские «очки» на продвижении данной темы, разоружение отошло несколько в сторону и оказалось перекрытым (наверное, за исключением тематики ПРО, да и то не в разоруженческом контексте) необходимостью отстаивания позиций России на пространстве бывшего СССР и в отношениях с ведущими странами Запада. К сожалению, не сбылись эйфорические предсказания ряда экспертов о наступлении после окончания «холодной войны» и развала Советского Союза своего рода «конца истории», «эры милосердия», когда человечество перейдет к поступательному, гармоничному развитию, а конфликты, в худшем случае, останутся возможными в ограниченном масштабе лишь в зоне стран «третьего мира».

В настоящий момент ситуация в области безопасности, по сравнению с началом 1990-х гг., изменилась. Предпринятые Россией в рамках двусторонних соглашений с США по сокращению обычных вооружений

и вооруженных сил в Европе и по стратегическим ядерным силам, а также в одностороннем порядке усилия по преодолению наследия «холодной войны» не вызвали, по мнению российских экспертов, адекватных встречных шагов со стороны США и НАТО. Сегодня уже очевидно, что в силу целого ряда причин мир остается разделенным и нестабильным. На смену общемировому противостоянию и соревнованию двух антагонистических военно-политических блоков в последние годы пришло противопоставление России ведущим странам Запада. При этом практически игнорируются наши заявления о неприемлемости «двойных стандартов», а действия российской стороны по защите своих жизненных интересов воспринимаются на Западе с показным недоумением и раздражением.

Наоборот, НАТО продолжил процесс своего расширения на восток, вплотную придвигаясь к границам России, а также модернизацию и развитие вооруженных сил стран-членов. Сохранение этого военно-политического альянса с существующей военной доктриной, по мнению российских военных, требует коренной перестройки российского военного планирования и принципов строительства российских Вооруженных Сил, включая корректировку российской ядерной стратегии. У Москвы складывается впечатление, что, говоря о «стратегическом партнерстве» с Россией, США на самом деле стремятся загнать ее в «геополитический угол» (расширение НАТО, попытки включить в этот альянс Грузию и Украину, закрепить на постсоветском евразийском пространстве и т.п.). Внешнеполитические последствия агрессии грузин-

ского режима в 2008 году против Южной Осетии и недвусмысленный поворот России к отстаиванию своих геостратегических приоритетов, защите соотечественников в «ближнем зарубежье», по признанию большинства наблюдателей, положили начало новому периоду в международных отношениях. Сегодня уже ясно, что мир существенно изменился.

При этом, несмотря на обострение отношений с Западом, Москва отнюдь не отказалась от продолжения взаимовыгодного сотрудничества и приложила все усилия, чтобы избежать новой «холодной войны». В свою очередь, Запад, несмотря на подчас весьма драматизированную риторику в связи с событиями на Южном Кавказе, также оказался не готовым к каким-либо реально нас затрагивающим санкциям или международной изоляции России. В такой ситуации необходимо было искать области, где интересы двух сторон оказались бы близкими или совпадали. Одной из таких областей могла стать сфера разоружения. России в этом плане следовало продолжать курс на позиционирование себя как ведущего сторонника процесса контроля над вооружениями.

Разумеется, сегодня это должен быть качественно иной, чем в прошлом, процесс. Как представляется, ушли в прошлое бесконечные переговоры об «уровнях-подуровнях» на переговорах по СНВ, с изматывающими спорами по вопросам проверки и взаимными подозрениями в том, что переговоры используются в политико-пропагандистских, если не разведывательных целях. В свое время контроль над вооружениями, являвшийся единственным каналом полновесного диалога между Востоком и Западом, стимулировался страхом перед внезапным ядерным ударом другой стороны и желанием обеспечить т.н. стратегическую стабильность. Сегодня угроза ядерной катастрофы все же значительно ослаблена, хотя и не устранена полностью.

Что же касается стратегической стабильности, то на смену ее пониманию времен «холодной войны», когда она мыслилась как устойчивость системы взаимных «сдержек и противовесов», не допускавшая стимулов к нанесению первого разоружающего ядерного удара, непредсказуемого развития в случае кризисов или рецидивов гонки вооружений, приходит ее более комплексное понимание. Сегодня стратегическая стабильность — это, скорее, не безудержная гонка за стратегическим паритетом, но выстраивание такой системы, которая способна уберечь мир от крупных вооруженных конфликтов, угрожающих интересам всех стран в случае возникновения политического кризиса.

В этой связи и контроль над вооружениями, а также и процессы разоружения, мыслятся скорее как своего рода «менеджирование» процессов снижения уровней вооружений и, соответственно, военной угрозы. Естественно, что эта цель сохраняет свою важность и сегодня. С учетом этого, российской стороне важно не только не растерять накопленный

политико-дипломатический капитал в данной сфере, но и заявить о себе как об убежденном стороннике разоружения, нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями.

Тем более, что после победы Б. Обамы на президентских выборах в США, к власти пришла группировка, заинтересованная в продолжении диалога с Россией (пусть и не без рецидивов традиционного для демократов «менторства» в вопросах демократии и прав человека), прежде всего по вопросам международной безопасности. Она, скорее всего, предложит нам целый пакет инициатив в области укрепления международной безопасности. Хотя Россия для США и не является «собеседником номер один», хорошие взаимоотношения с Москвой крайне необходимы Вашингтону для успешного решения самых острых проблем американской политики — отношений с Ираном, Афганистаном, Ираком и в ближневосточном урегулировании. Следовательно, России надо быть готовой не просто реагировать на американские идеи, но и, проделав соответствующую «домашнюю работу», выходить и с собственными инициативами, в том числе в области контроля над вооружениями. Прежде всего это касалось такой важнейшей области, как стратегические вооружения — основы обеспечения безопасности страны.

Российская сторона довольно спокойно отреагировала в свое время на беспрецедентный слом администрации Дж. Буша всей системы международного правового механизма контроля над вооружениями. В начале нынешнего века фактически были похоронены важнейшие соглашения в сфере разоружения и контроля над вооружениями:

- Договор по ПРО;
- Договор по запрещению ядерных испытаний;
- СНВ-2;
- рамочное соглашение СНВ-3;
- Соглашение о разграничении стратегической и тактической систем ПРО;
- Договор о прекращении производства делящихся материалов в военных целях и т.д.

Несмотря на количественные сокращения, предусмотренные Договором СНВ-1, группировка стратегических ядерных сил США по своему составу и боевой готовности по-прежнему была предназначена для поражения всей номенклатуры военных, политических и экономических целей на территории России. С начала 2000-х гг. намечилось усиление противостояния США и России в военно-стратегической области (намерение развернуть стратегические элементы американской ПРО на территории Чехии и Польши). Это вынуждало Россию заявлять о готовности принять ответные меры, в частности, в области повышения боеготовности СЯС. Хотя эта проблема вроде бы и снята, угроза наращивания потенциала американской ПРО до неприемлемого для нас уровня полностью не устранена.

Россия оказалась в ситуации, когда она, не втя-

гиваясь в новую гонку вооружений, должна была и далее обеспечивать высокую боеготовность и ударный потенциал стратегических ядерных сил в плане их способности в любых условиях нанести гарантированный ущерб в заданных параметрах любому потенциальному агрессору. Для этого нужно было и дальше повышать надежность и эффективность нашей стратегической ядерной «триады», чтобы сохранить стратегический баланс сил. Не случайно в новой Военной доктрине 2010 г. Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения. Кроме того, объявлено о применении ядерного оружия и в случае агрессии против России с применением обычного оружия, если под угрозу будет поставлено само существование государства¹.

Вместе с тем России необходимо стимулировать американскую сторону к продолжению процесса сокращений СЯС. В свое время Договор СНВ-1 помогал нам более-менее обеспечивать паритет с США. Новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, предусматривает дальнейшее уменьшение числа боезарядов и их носителей, что является для нас вполне приемлемым вариантом. Ряд российских экспертов предлагали разработать новый документ на основе Договора СНП. Однако он вряд ли для этого подходил, представляя собой, мягко говоря, паллиатив, согласованный в 2002 г., чтобы хоть как-то заполнить образовавшийся по вине администрации Дж. Буша вакуум в процессе контроля над вооружениями. Нереально было ожидать, что администрация США согласится детализировать условия Договора СНП так, как это было сделано в случае с СНВ-1 (насчитывавшем примерно пятьсот страниц).

Поэтому можно предложить США продолжить обсуждение проблематики дальнейших сокращений СНВ с внятной и необременительной системой контроля, исходя из императива поддержания стратегической стабильности и недопущения разоружающего первого удара под прикрытием развивающихся американских систем национальной ПРО при пониженных уровнях ядерных боезарядов. Такой процесс вполне вероятен, ибо и мы, и, в конечном счете, американцы, которые отошли от откровенного игнорирования процесса контроля над вооружениями, характерного для настроений в Вашингтоне в начале 2000-х гг., заинтересованы в предсказуемости и стабильности развития стратегических arsenалов. При этом надо избегать чрезмерно радикальных инициатив, типа согласования правил разгрузки стратегических носителей или дезактивации стратегических сил.

России необходимо предложить американцам непредвзятый диалог по проблематике ПРО (несмотря на всю болезненность этой темы для нас), без каких-либо увязок с сокращениями СЯС. Наша страна до сих пор придерживается параметров До-

говора по ПРО 1972 г., из которого США вышли в 2002 г. в одностороннем порядке, и не наращивает, например, количество своих противоракет в Московском районе ПРО за пределы 100 единиц, разрешенных по Договору. В то же время скоро начнется развертывание новых зенитно-ракетных комплексов С-400 «Триумф», способных перехватывать баллистические цели.

Национальная система воздушно-космической обороны должна, по мнению специалистов, включать в себя несколько базовых районов, прикрывающих большую часть территории страны. Такая система ВКО должна будет, помимо перехвата баллистических ракет, обеспечивать защиту территории страны от удара с использованием боевых самолетов и крылатых ракет, а также осуществлять перехват космических аппаратов, которым США придают очень большую роль в системе ПРО своей собственной территории.

Хотя среди российских военных экспертов немало противников самой идеи создания у нас эшелонированной системы ПРО, в принципе при достаточном финансировании ничто не мешает нам попытаться создать где-то в 2020–30-е годы подобную многоярусную систему стратегической ПРО. Она могла бы включать широкий набор относительно эффективных перехватчиков наземного, морского, воздушного базирования, а также созданных на новых физических принципах (лазерного и пучкового) и даже, возможно, размещенных в космосе.

Понятно, что в случае первого удара речь может идти лишь о перехвате части боеголовок, нацеленных на стартовые позиции МБР, что все же позволит сохранить потенциал, достаточный для нанесения противнику заведомо неприемлемого ущерба, даже в случае наличия у него собственной системы ПРО. Такие работы по развертыванию собственной ПРО должны стимулировать и наш предметный диалог с американцами о совместных исследованиях в этой области, обмене наблюдателями на командных пунктах и даже создания совместного центра оценки угрозы, идея появления которого практически была похоронена в последние годы.

Представляется вполне возможным совместно с США начать (если не возобновить) процесс переговоров или консультаций о предотвращении вывода оружия в космос на основе наших известных инициатив. Как известно, космическое пространство весьма интенсивно используется сейчас в военных целях (для ведения спутниковой разведки, навигации, связи и управления войсками), однако в космосе нет оружия. Международными соглашениями запрещен вывод в космос и размещение на небесных телах оружия массового уничтожения. В 1980-х годах, обеспокоенные американскими планами «звездных войн», мы выдвинули целый ряд инициатив о заключении новых договоренностей в области запрещения применения в космосе оружия любого рода. Они были

практически проигнорированы американцами и вылились лишь в соответствующие проекты резолюций и новых договоренностей по космосу, регулярно вносимых нами совместно с Китаем в ООН и ряд других международных организаций.

Начать диалог по этой теме можно было бы с обсуждения мер доверия и предупреждения опасных инцидентов с космическими объектами, в том числе и военного назначения. В контексте таких консультаций можно было бы обсудить и тематику противоракетной обороны — в том аспекте, где она связана с выводом компонентов ПРО в космос. В этих же рамках можно было бы интенсифицировать обсуждение в целом проблем стратегической стабильности на перспективу, концепций военного строительства в России на Западе.

Одной из «замороженных» тем контроля над вооружениями является проблематика тактического ядерного оружия. Как известно, в период «холодной войны» НАТО упорно сопротивлялась предложениям СССР о начале переговоров по тактическому ядерному оружию. Это объяснялось и тем, что ТЯО являлось важнейшим средством «расширенного ядерного сдерживания», обеспечивавшего стратегическую «сцепку» обороны США и Западной Европы. Прорыв в этой области был достигнут после известных встречных инициатив президента Дж. Буша-старшего и М.С. Горбачева в начале 1990-х гг. по существенному снижению уровней ТЯО. Впоследствии Москва предприняла ряд дальнейших шагов, зафиксированных в заявлении Президента России Б.Н. Ельцина «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 29 января 1992 г.

В настоящее время в связи с изменившейся обстановкой на границах страны, восприятием нашей военно-политической элитой планов расширения НАТО и создания третьего позиционного района ПРО в Европе в качестве непосредственной угрозы России, ТЯО приобретает всю большую роль в качестве средства регионального сдерживания новых вызовов в ядерной и неядерной областях. В то же время США продолжают вывод своих тактических ядерных арсеналов из Европы. В результате может быть выполнено одно из наших требований о сосредоточении ТЯО на национальных территориях государств. Такое развитие, несмотря на общую сложность проблемы, позволяло бы нам выступить с инициативой о начале предварительных консультаций с американцами по тематике ТЯО. Первая тема для обсуждений — меры транспарентности и доверия, взаимный обмен данными о запасах тактического оружия.

Непростая ситуация складывается вокруг проблемы дальнейшего ограничения вооружений и укрепления стабильности на европейском континенте. Большой резонанс в мире получило объявление моратория на исполнение Россией своих обязательств по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), наряду с заявленной позицией о возмож-

ности одностороннего выхода России из ОБСЕ и даже Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Ситуация еще больше обострилась после отражения российскими войсками грузинской агрессии против Южной Осетии и размещения в этой республике, а также Абхазии дополнительных контингентов наших сил. Это еще больше обострило так называемую фланговую проблему, которая и была одним из главных аргументов для нашего отрицательного отношения к адаптированному ДОВСЕ.

В данной ситуации нам крайне важно не дать похоронить ДОВСЕ, который, при всех своих недостатках, все же выгоден интересам безопасности России, ибо закрепляет существенные ограничения на развертывания сил НАТО в Европе и вносит серьезный элемент доверия и предсказуемости. В этой связи можно было подумать о возможных развязках, в том числе отдельного решения проблемы южного фланга. Сделать это можно было бы путем выделения этого участка в отдельный район в рамках адаптированного ДОВСЕ с распространением мер контроля на приграничные нам государства, включая Грузию. Главное для нас в нынешней ситуации вокруг Договора — продемонстрировать нежелание сидеть «сложаруки», стремление искать развязки, разумеется, с учетом новых реалий — долговременного присутствия российских войск на Кавказе.

Требуется более конкретное наполнение и большей активности продвижение нами «плана Медведева» о создании новой системы коллективной безопасности в Европе. Первые шаги на этом направлении уже были сделаны путем направления нашим партнерам «нон-пейпер» (неофициального документа) МИД РФ. Новый план России призван остановить обозначившееся негативные тенденции в Европе установить стратегическое партнерство между Москвой и Европейским союзом, которое могло бы стать главной опорой для «большой Европы без разделительных линий», дать толчок разработке новой концепции безопасности, которая предусматривала бы участие в ней всех постсоветских стран, в том числе и России. Российские эксперты уже называют эту концепцию ЕАТО — Euro-Atlantic Treaty Organization (Организация евроатлантического договора). Данный широкий оборонный блок мог бы прийти в перспективе на смену НАТО — Организации североатлантического договора. Хотя пока это, конечно, не более чем мечты.

Более реалистичной представляется возможность использования ОБСЕ в качестве платформы для продвижения нашей новой инициативы — разработки новых основ коллективной безопасности в Европе. При всех наших претензиях к этой организации, она является проверенным, если не сказать безальтернативным инструментом обеспечения коллективной безопасности в регионе. При определенной «доводке» и «отладке» механизмов ее функционирования, без какого-либо изменения мандата,

ОБСЕ могла бы постепенно стать полезным для нас инструментом утверждения новых основ, новой ментальности в вопросах коллективной безопасности в Европе с учетом новых реалий на континенте.

Предложенный набор наших возможных инициатив, разумеется, не является исчерпывающим. Серьезная проработка этих тем и выдвижение соответствующих предложений нашим партнерам могли бы не только способствовать дальнейшему укреплению имиджа России как одного из «столпов» международных процессов разоружения и контроля над вооружениями, но и наглядно продемонстрировать, что у этой проблематики имеется неплохое будущее.

Summary: *The article assesses the problems of international arms control, which were seemingly shifted to the sidelines of the international agenda. The author focuses on the current modalities of Russian and international arms control policies with a view to evaluate perspectives for constructing a new system of international stability, which will act as a safeguard against wide-scale conflicts. Arms control and disarmament are viewed as leverages of managing the decrease of armament levels and military threat in general. The article outlines visions on new Russian policy initiatives to address arms control and disarmament in a changed international political environment.*

Ключевые слова

Договор СНВ-1, Д.Медведев, Обама, космическое оружие, стратегические наступательные вооружения, тактическое ядерное оружие

Keywords

START-1 Treaty, Dmitri Medvedev, Obama, space-based weapons, strategic offensive weapons, tactical nuclear weapons

Примечания

1. Военная доктрина Российской Федерации ,(5 февраля 2010 года),http://news.kremlin.ru/ref_notes/461